
ФОКУС НОМЕРА ЛИТЕРАТУРА И ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТОРЫ И ВЛАСТИ

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2026.01.01

ОСОКИН М.Ю.¹ «ТИРАН ВИЗАНТИИ» И ЕГО ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА. КАК БОГДАНОВИЧ ПЕРЕВЕЛ ВОЛЬТЕРОВСКУЮ «ЭПИСТОЛУ ИМПЕРАТРИЦЕ РОССИИ ЕКАТЕРИНЕ II»[©]

Аннотация. «Стихи г-на Вольтера, в России переведенные» (1772) Ипполита Богдановича – перевод вольтеровской Эпистолы императрице России Екатерине II (*Épître à l'Impératrice de Russie, Catherine II*, 1771), в которой идет речь о Русско-турецкой войне и роли Екатерины в грядущем освобождении греков из-под ига «тирана Византии» султана Мустафы и его исламских варваров. Не вдаваясь в детали греческого проекта Екатерины, я попытался выяснить, чем перевод отличается от вольтеровского оригинала и предложить посильные объяснения причин этих различий, в частности, зачем Богданович разбавляет мифологию победы Петра I над климатом и создания «новых людей» мифологией Петербурга как города, построенного вопреки природе; почему исключает из текста сцену в гареме султана и смягчает критику греков, которые посрамляют предков своим непотребством тирану, и почему, наконец, он не переводит вольтеровские прозаические сноски.

Ключевые слова: Вольтер; Ипполит Богданович; перевод; Екатерина II; Русско-турецкая война.

¹ **Осокин Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Саттахип (Таиланд); mike.osokin@gmail.com

© Осокин М.Ю., 2026

Для цитирования: Осокин М.Ю. «Тиран Византии» и его победительница. Как Богданович перевел вольтеровскую «Эпистолу императрице России Екатерине II» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 1. – С. 9–41. – DOI: 10.31249/lit/2026.01.01

Поступила: 31.03.2025

Принята к печати: 15.12.2025

OSOKIN M. Yu.² The “Tyrant of Byzantium” and his conqueror. How Bogdanovič translated Voltaire’s *Epistle to the Empress of Russia, Catherine II*[©]

Abstract. The Poem of Mr. Voltaire, translated in Russia (1772) by Ippolit Bogdanovič, is a translation of Voltaire’s *Epistle to the Empress of Russia, Catherine II* (1771), which deals with the Russo-Turkish War and Catherine’s role in the impending liberation of the Greeks from the yoke of Sultan Mustafa, the “tyrant of Byzantium”, and his Islamic barbarians. Without going into the details of Catherine’s Greek project, I wanted to find out how Bogdanovič’s translation differs from Voltaire’s original and suggest plausible explanations for these discrepancies. In particular, I examine why Bogdanovič omits the scene in the Sultan’s harem and softens Voltaire’s criticism of the Greeks who shame their ancestors by submitting to tyranny; why he dilutes the mythology of Peter I’s triumph over the climate and the creation of “new people” with the mythology of St. Petersburg as a city built in defiance of nature; and finally, why he does not translate Voltaire’s prose footnotes.

Keywords: Voltaire; Ippolit Bogdanovič; translation; Catherine the Great; the Russo-Turkish War.

To cite this article: Osokin, Mikhail Yu. “The Tyrant of Byzantium and his Conqueror. How Bogdanovič translated Voltaire’s *Epistle to the Empress of Russia, Catherine II*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, No. 1, 2026, pp. 9–41. DOI: 10.31249/lit/2026.01.01 (In Russian).

Received: 31.03.2025

Accepted: 15.12.2025

Вольтер приветствовал Русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и написал ряд текстов, в которых звучит то, что на языке

² Osokin Mikhail Yurievich – Candidate in Philology, independent scholar, Sattahip (Thailand); mike.osokin@gmail.com

© Osokin M. Yu., 2026

позднейшего международного права назовут призывом к геноциду. Современные историки, читая письма философа к Екатерине, где речь заходит о турках, открывают его с нехрестоматийной стороны. Эдвард Эндрю отмечал, что «кровожадность» этих писем контрастирует с репутацией пацифиста, которую заработал автор «Кандида» [Andrew, 2006, p. 117]. Шовинизм и arrogantность Вольтера в отношении к азиатской культуре и мусульманству описал Эдвард Услан [Ousselin, 2009, p. 7–30]. «Поразительную жажду до крови турок» заметила за Вольтером Рут Доусон [Dawson, 2022, p. 126].

Екатерина начала переписку с Вольтером в 1763 г. после выхода второго тома «Истории Российской империи при Петре Великом», утверждала, что хочет продолжить дело Петра и превратить Россию в европейскую страну. Когда началась война, Вольтер и в письмах, и в стихотворном послании к Екатерине, и в других пропагандистских текстах доказывал, что истребление турок – это как раз то, что нужно Европе. Будучи рабами, они мечтают, чтобы рабами стали все, убеждает Вольтер в «Оде на идущую войну русских против турок» (*Ode sur la guerre actuelle des Russes, contre les Turcs*, 1768):

Frappez, exterminiez les cruels Janissaires,
D'un tyran sans courage esclaves téméraires.
Des malheureux mortels instruments malheureux,
Ils voudraient qu'à la fin par le sort de la guerre,
Le reste de la terre fût esclave comme eux

[Voltaire, 1771b, p. 410]³.

30 октября 1768 г. он пишет: «Мадам, ваше императорское величество возвращает меня к жизни, убивая турок», а 15 ноября того же года, – что турки, «пренебрегающие искусствами и запирающие женщин, заслуживают истребления» [Voltaire, 1974, p. 52, 68]. Последний тезис будет положен на рифмы в стихах «Императрице Российской Екатерине II по случаю взятия русскими Хотина в 1769 году» (*A l'Impératrice de Russie Catherine II, a l'occasion de la prise de Choczim par les russes, en 1769*):

³ «Разите, истребляйте жестоких янычаров, / Безрассудных рабов бессердечного тирана. / Несчастные орудия людского несчастья, / Они желают, чтобы в конце концов, по воле войны, / Вся остальная земля была бы порабощена, как они».

Tu vengeras la Grèce en chassant ces infâmes,
Ces ennemis des arts, et ces geôliers des femmes⁴.

Франция поставляла Турции оружие, поддерживая альянс, заключенный в XVI веке, и большинство французских дипломатов и интеллектуалов выступали за существующий баланс сил. Вольтер, «не заботившийся о том, что Франция связана торговыми отношениями с Османской Портою» [Caréfigue, 1862, p. 81], был в меньшинстве, но российская пропаганда постаралась, чтобы его позиция звучала как можно громче.

В 1770 г. Вольтер сочиняет свой гимн геноциду – «Перевод поэмы Жана Плокофа, советника Гольштейна о нынешних делах» (*Traduction du poeme de Jean Plokof, conseiller de Holstein sur les affaires présentes*, 1770) из двенадцати абзацев (якобы соответствующих строфам), пропагандирующий войну. Эта брошюра, изданная без выходных данных, войдет в Женевское собрание сочинений Вольтера 1777 г. [Voltaire, 1777, p. 535–538]. Гольштинская поэма – мистификация, текст был изначально прозаический и на французском – переведена на русский, греческий и румынский. На греческом она опубликована без указания места и года в переводе Елевтерия (Евгения) Вулгариса (Εὐθέριος Βούλγαρης), который с 1771 г. по приглашению Екатерины жил в Петербурге и занимался переводами с русского и французского на греческий⁵; брошюра, датированная 1772 г., сохранилась в пяти экземплярах [Καμαριανός, 1986, σ. 25; Παλακωνσταυτίου, 2005, σ. 107]. Рукописный перевод на румынский датирован маем 1772 г.⁶ На русский текст оперативно перевел Николай Новиков и напечатал дважды в Петербурге – отдельным изданием в 1770 г. на свой кошт [Воль-

⁴ «Ты отомстишь за Грецию, изгнав недостойных, / Врагов искусств, тюремщиков женщин». Как заметил по другому поводу Л.С. Гордон, «письма Вольтера это подлинный дневник его чувств, мыслей, поступков; в них можно последовательно, шаг за шагом проследить все этапы авторской мысли, вынашивания замысла, собирания материалов, высказываний, зарождение отдельных сентенций» [Гордон, 1945, с. 26].

⁵ О греческом переводе, переводчике и отличиях перевода от оригинала см.: [Παλακωνσταυτίου, 2005, σ. 101–118], там же воспроизводится текст этого сочинения, сохранившийся в архиве [Παλακωνσταυτίου, 2005, σ. 116–118]. О стихах другого грека, Антония Палладоклиса: [Zorin, 2014, p. 54–57; Ermolaeva, 2019, p. 376–381].

⁶ О нем есть большая библиография, начинающаяся с работ Ариадны Камариано [Camariano, 1946, s. 131–132, 138–139], не буду загромождать ею список литературы.

тер, Новиков, 1770] (есть в РНБ, БАН и ГПИБ) и в 1771 г. под названием «Поэма о нынешних делах, или увещание о восприятии против Турок оружия»⁷.

Султан в «поэме» выводится как сонливый и похотливый тиран, а турки – как опасные варвары, которых надо срочно вырезать, пока они не уничтожили Европу. Вольтер называет султана ‘l’imbécile Mustapha’ [Voltaire, 1777, p. 537] и сравнивает с ассирийским царем Сарданапалом, который изображался развалившимся в окружении наложниц и сделался риторическим примером правителя, ассоциирующегося с роскошью, ленью и развратом, что стало причиной бунта против него⁸, но не с тиранией в смысле Калигулы и Нерона. Приписывая эти качества Мустафе, Вольтер подразумевает, что победа над ним дастся легко, поскольку стамбульский тиран инертен, а его армия под таким руководством деморализована.

Aux armes contre les ennemis de
l’Europe ! Les usurpateurs du trône
des Constantins vous appellent eux-
mêmes à leur ruine. Ils vous crient,
en tombant sous le fer victorieux des
Russes : Venez, achevez de nous ex-
terminer.

К ружью, против неприятеля
Европы. Похитители престола Кон-
стантинова сами приглашают вас на
свою гибель. Они, победитель-
ным Российским мечем повержен-
ные, вопиют к вам: Идите совер-
шить конечное наше изкоренение
[Вольтер, Новиков, 1771, с. 37].

⁷ Библиографы именуют Новикова в каталогах «предполагаемым переводчиком», хотя из документов канцелярии Академии наук следует, во-первых, что после 1769 г. Новиков несколько лет служил переводчиком иностранной коллегии, во-вторых, он дважды именуется переводчиком «Поэмы о нынешних делах» в доношении о печатании этой книги: «В учрежденную при Академии наук комиссию доносит переводчик Николай Новиков о нижеследующем. Намерен я, именованный, по приложенному при сем образцу напечатать перевода с Поэмы о нынешних делах на голландской бумаге четыреста экземпляров, на собственный мой кошт за указную плату. Переводчик Николай Новиков. Ноября 2 дня 1770 года» [Семенников, 1914, с. 72; Новиков, 1994, с. 6, 274–275]. Перевод расходился в списках [Мартынов, 1980, с. 136], и Новиков переиздаст его в своей компании Типографической в 1787 г.

⁸ Джон Олдхэм (John Oldham, 1653–1683) в поэме «Сарданапал» (между 1676 и 1681) атаковал сексуальный либертинаж методом его притворного восхваления [Weil, 1996, p. 128].

Le sardanapale de Stamboul, endormi dans la mollesse & dans la barbarie, s'est réveillé un moment à la voix de ses insolents satrapes et de ses pretres ignorants <...> Ses janissaires et ses sophis sont partis, etc. Il s'est rendormi profondément [Voltaire, 1777, t. 28, p. 535].

Pendant que son ame matérielle se livrait à des songes flatteurs entre deux Georgiennes aux yeux noirs, arrachées par ses eunuques aux bras de leurs mères, pour assouvir ses désirs sans amour, & sa brutalité sans discernement, le génie de la Russie a déployé ses ailes brillantes [Voltaire, 1777, t. 28, p. 535].

<...> Le tem<p>s de détruire les Turcs est venu. Si vous ne saisissez pas ce temps, si vous laissez discipliner une nation si terrible, autrefois sans discipline, elle vous détruira peut-être [Voltaire, 1777, t. 28, p. 538].

Восточная сонливость, по Вольтеру, – интеллектуальная апатия, отсутствие развития, прогресса, сон разума, и эти характеристики тирана перейдут в стихи «Императрице Российской Екатерине II по случаю взятия Хотина» («*Bientôt de Gallitzin la vigilante audace / Ira dans son sérail éveiller Moustapha / Mollement assoupi sur son large sofa*») и в «Эпистолу императрице России, Екатерине II» (*Épître à l'Impératrice de Russie, Catherine II*, 1771). Послание, написанное в жанре поучения государей, смешанного с панегириком, и опубликованное в брошюре Вольтера «Последние четыре послания поэта-философа»⁹, тоже содержит мысль, что императрица одолжит весь мир, уничтожив турок.

⁹ [Voltaire, 1771a]. Вторым в книжке шло послание к королю шведскому Густаву, третьим – к королю датскому о свободе прессы, см. о них и о претензиях Вольтера на роль предводителя монархов: [Davies, 2004, p. 255–256], четвертым – к Д'Аламберу.

Стамбульский Сарданапал, в неге и варварстве спящий, на час пробудился от гласа гордостию надменных своих Сатрапов, и в невежестве утопающих Имамов <...> Янычары его и спаги вступили в поход, а он в глубочайший сон по прежнему погрузился [Вольтер, Новиков, 1771, с. 38].

Когда вещественная его душа в приятных плавала сновидениях между двумя чернобровыми грузинками, вырванными чрез скопцов из объятий матерей их, для насыщения его похотей без любви, и его скотства без всякого разбора, тогда Российский дух разпростер светозарная своя крылья [Вольтер, Новиков, 1771, с. 39].

<...> Время ко изкоренению Турков наступило. Ежели вы то время пропустите, ежели оставите обучаться народ ужасный, до сего без воинского порядка, он может быть вас самих изкоренит [Вольтер, Новиков, 1771, с. 46].

Взгляды Вольтера последовательно антиосманские, но, когда он представляет Россию европейской страной¹⁰, а войну с Турцией – шансом на освобождение Греции, Россия для него – инструмент, а Греция – предлог. Вольтеровский шовинизм простирался и на греков, как видно из послания к Екатерине, которое придется переводить Богдановичу.

Как война с турками помогла Богдановичу

Сближение Ипполита Богдановича с двором не связано ни с Пугачевским бунтом (1773–1775) или с успехом «Душеньки» [Серман, 1957, с. 12, 15], ни с ослаблением панинской партии или отбытием его патронессы Екатерины Дашковой за границу в 1775 г. [Проскурина, 2006, с. 245]. Оно произошло гораздо раньше, в 1770-м, когда Богданович, возвращенный в Россию из Саксонии, нуждался в реабилитации после обвинений в измене и в деньгах для выплаты долгов.

На выход в Архипелаг и победу при Чесме панегиристы написали в 1770–1771 гг. около двух десятков од и стихов, сочившихся пиндарическим энтузиазмом по поводу уничтожения османского флота. Богданович выделился на их фоне стихотворным переводом панегирика Екатерине итальянского врача Микеланджело Джанетти (Michelangelo Gianetti, 1743–1796).

Выход базировавшегося на Балтике флота в греческий Архипелаг стал геополитической сенсацией. «Появление русского флота в Средиземном Море и, еще более, пребывание гр. А.Г. Орлова в итальянских городах породило целую литературу мелких дешевых стихотворений в честь России, особенно же Екатерины. Все эти канцоны и канцонетты преподносились гр. Орлову и, надо полагать, хорошо оплачивались» [Бильбасов, 1896, с. 111–112]¹¹. Субмиссивная канцона Джанетти, транслировавшая преклонение

¹⁰ Это не только вольтеровская делимитация Европы [Ousselin, 2009, p. 31], она была, например, в переведенном Богдановичем проекте Вечного мира Сен-Мартена в сокращении Руссо.

¹¹ Неполный каталог только печатной продукции см.: [Бильбасов, 1896, с. 111–122, 134–135, 144–145], в ее числе сонет Антонио Джузеппе делла Торре ди Реццонико (Antonio Giuseppe della Torre di Rezzonico, 1709–1785), губернатора Пармы и родственника папы Климента XIII, где Петр «приподнимает голову из гробницы и советует Екатерине отправить экспедицию в Архипелаг» [Бильбасов, 1896, с. 112].

перед новым военно-морским доминатором из неожиданного места – Великого графства Тосканского, хотя оригинал (*Alla sacra imperiale maestà di Caterina II*, 1770) вышел в Лукке [Симанский, 1913, с. 29; Venturi, 1979, р. 90], – понравилась в Петербурге. Богданович был представлен императрице лично, о чем упомянет специально в автобиографии, и, видимо, получил задание переложить тексты, требующие деликатной работы, – неопубликованную эпистолу Екатерине Мармонтеля [Coquin, 2002] и свежее опубликованную вольтеровскую. С этого времени за Богдановичем закрепляется роль переводчика, moderирующего публичный диалог французских просветителей с императрицей. В обоих случаях Богданович демонстрирует искусство перевода вокруг текста и переводит так, чтобы уроки иностранных интеллектуалов не слишком расходились с имперской идеологией.

Первый вариант перевода эпistolы под названием «Стихи г-на Вольтера в России переведенные» [Вольтер, Богданович, 1772, с. 179–183] появляется анонимно в журнале «Вечера» между салонных сочинений, но место не кажется случайным. Среди издателей «Вечеров» названы те, кто «приходят от лица Минервы» [Вечера, 1772, ч. 1, Вечер 1, с. 7], и семнадцатью вечерами ранее журнал (он был еженедельным, каждый номер именовался «вечер», т.е. четырьмя месяцами ранее) напечатал первое «Письмо из Сатурна» [Вечера, 1772, ч. 1, Вечер 6, с. 41–47]¹², где рассказывалось, что на восточной части Сатурна поселилась «шайка гордых разбойников» с гербом в виде луны, которые почитают себя властителями над другими частями планеты. Они управляются другим «полуденным народом», у которого на гербе лилии (т.е. французами), последние ненавидят северян, которые благодаря «одному великому мужу» (Петру I) не уступают теперь никому «во славе, науках и художествах». Северяне с гербом в виде орла управляются редкостной премудрости царицей, «Северной Минервой», как она пятижды именуется [там же, с. 43, 44, 46, 47], которая продолжает дела великого предшественника. Царица эта хотела избавить свет (поляков) от гнусных суеверий, «и, посадя на престол человека, избранного ею, сделать их щастливыми» [там же, с. 44], но те воспротивились. Разбойники между тем «тиран-

¹² Письмо, датированное 5 января 1772 г., перепечатано в сборнике [Русская сатирическая проза, 1986, с. 232–236, 432] и прокомментировано Ю. Стенником.

ски» отнимают «жен, детей для своего увеселения» у покоренных народов и «дают им чувствовать всю тягость тиранской власти» [Вечера, 1772, ч. 1, Вечер 6, с. 44] – намеки на систему девширме: ортодоксальные христиане в Греции (рум-миллет) платили джизию (налог на немусульман) и отдавали детей в янычары. «...общая польза требует, чтоб изгнать злодеев рода человеческого, и возратить отнятое ими блаженство невинным людям <...> Восточные разбойники, премудростию Северной Минервы приведены в крайность; народы, впадшие под их иго (греки. – *М. О.*), обрета в сердце своем семена храбрости своих предков, приняли оружие; все способствует к их изгнанию: но не смотря на сие, все народы молчат, один север в движении; единый он устрашает восток падением, а все прочие, забыв свою пользу, думают лишь только о том, чтоб не допустить северному царству усилиться. Опомнитесь, примите оружие, возвратите вольность людям, единого с вами закона (греко-восточной христианской религии. – *М. О.*), или не препятствуйте Северной Минерве довершить свое намерение <...> представте себе гордость сих в невежестве и грубости утопающих людей; вообразите их множество, и что ежели способом увядающих лилей, они искусство военное получают, то сколь страшнаго и грубаго неприятеля вы иметь будете» [там же, с. 46–47].

Екатерина – продолжательница миссии Петра, турки – тираны и разбойники, мораль чуть не дословно совпадает с моралью «Поэмы о нынешних делах». Вольтеровские идеи сливаются с пропагандистскими, за вычетом того, что пропаганда рисует образ вялой Франции, боящейся усиления России, подчеркивает активное участие греков в своем освобождении и педалирует религиозное обоснование войны. Из этих тезисов Богданович построит в свой перевод по крайней мере последний и попытается привить второй.

Оттоманский «тиран» как просветительский антигерой

Вольтер хвалит российскую императрицу за противостояние чуждой Европе Османской империи и ругает султана. Екатерину он называет ученицей Аполлона, Фемиды и Марса и пишет, что «с Севера к нам приходит свет», который его вдохновляет и «возвращает угасающему огню былую ясность» («*A mon feu qui s'éteint rends sa clarté première : / C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la*

lumière ») [Voltaire, 1771a, p. 15], это соответствует стихам Богдановича:

Наперсница Богов любящих Русский трон, <...>
Где купно царствуют Марс, Фемис, Аполлон
Подай мне лучь Твоей божественной души,
И старость обнови усердем воспаленну!
Что должен я писать, Ты мне сама внуши:
От севера днесь свет лиется во вселенну
[Вольтер, Богданович, 1772, с. 179–180].

Комментаторы преувеличили антитиранический пафос, который переводчик якобы сообщил тексту. И.З. Серман написал, что Богданович вставил отсутствующие у Вольтера строки:

Мне мерзок таковой, Монархиня, тиран,
Который в гибели народов ищет славы
[Вольтер, Богданович, 1772, с. 180],
см.: [Серман, 1957, с. 244].

За ним это повторила В.Ю. Проскурина (Университет Эмори), которой здесь слышались «оппозиционные по отношению к власти ноты – узурпация трона законного наследника выглядела как проявление схожего с турецким “тиранства”» [Проскурина, 2006, с. 244]. Богданович, в 1770-е годы усиленно доказывавший благонамеренность после обвинений в измене и в мыслях не имевший намекать на тиранию Екатерины, ничего не прибавил от себя и даже смягчил Вольтера, ибо это он требовал «гибели народов». Эти две строки и следующие две («И не могу терпеть, чтоб в варварстве Султан / Над человечеством являл бездушны правы») вольно соответствуют вольтеровским:

Toi qu'on voit triompher du tyran de Bizance,
Et des sots préjugés, tirans plus odieux <...>
Oui, je les hais, madame, il faut que je l'avoue.
Je ne veux point qu'un Turc à son plaisir se joue
Des droits de la nature et des jours des humains
[Voltaire, 1771a, p. 15].

(Вы, кого мы видим победительницей тирана Византии,
И глупых предрассудков, тиранов еще более несносных <...>
Да, я ненавижу их, сударыня, должен это признать.
Я не хочу, чтобы турки для своего удовольствия играли
Правами природы и человеческими жизнями.)

**«Тиран Византии» и его победительница. Как Богданович перевел
вольтеровскую «Эпистолу императрице России Екатерине II»**

«Тиран» – «tyran», «мерзок» – «hais» (не слишком большая вольность, учитывая существование глагола «мерзиться»), турки по воле тирана играют человеческими жизнями («гибель народов») и «правами природы» («являют бездушные правы»). Пассаж не уходит дальше риторических обличений, которые слово по условному рефлексу вызывало у поэтов от авторов антиираческих трагедий вроде Тома Корнеля и Проспера Кребийона до Александра Сумарокова, Василия Майкова и Федора Дмитриева-Мамонова. Другое дело, что у Вольтера эти строки идут не подряд, это стихи 4–5 и 15–18. Богданович их склеил, поскольку полностью исключил разделявший их фрагмент:

On m'a trop accusé d'aimer peu Moustapha;
Ses Vizirs, ses Divans, son Muphti, ses fetfa,
Fetfa ! ce mot arabe est bien dur à l'oreille ;
On ne le trouve point chez Racine et Corneille :
Du Dieu de l'harmonie il fait frémir l'archet.
On l'exprime en Français par lettres de cachet
[Voltaire, 1771a, p. 15].

(Меня обвиняли, что я мало люблю Мустафу
С его визирями, диванами, муфтиями и фетфами.
Фетфа! Это арабское слово режет слух;
Его нет у Расина и Корнеля:
У бога гармонии содрогается колчан.
По-французски это называется письмо с печатью.)

Это была вариация инципита стихов на взятие Хотина, состоявшего из режущих французский слух восточных реалий (« Fuyez vizirs, bachas, spahis et janissaires... » – «Прочь, визири, паши, сипахи и янычары!»). Толерантность европеизированного франкофона Богдановича к османской культуре вряд ли была выше¹³, вероятно, претензии показались слишком французскими, перевод их выглядел бы как калька. Дальше Вольтер перечисляет, что именно ему не нравится в турецких законах:

¹³ Другое мнение см.: [Kahn, 2024]. Статья профессора русской литературы Университета Оксфорда, сопоставляющая эпистолу Вольтера с переводом Богдановича в окончательной редакции, вышла в ноябре 2024 г., но я не стал сжигать свою, во-первых, потому что они не совпадают ни по методам, ни по выводам, ниже по библиографии, а во-вторых, во избежание пожара, так как она набиралась на компьютере.

Que prenant pour sa loi sa pure fantaisie,
Le Vizir au Bacha puisse arracher la vie,
Et qu'un heureux Sultan dans le sein du loisir,
Ait le droit de serrer le col <sic> de son Vizir.

(Что, почитая закон чистой фантазией,
Визирь у бачи может отобрать жизнь,
И что счастливый дедушка на досуге
Имеет право удавить своего визиря.)

Эту иерархию прав на насилие Богданович точно передает: визирь «давит» людей, султан «давит визиря», «смеется плачу вдовью», и «в праздности их смерть» считает «себе забавой», с той разницей, что никаких вдов у Вольтера не было, это клише из русских од и трагедий, восходящее к Ветхому Завету [Kutuzov, 2013, с. 216–218]: вдовы и сироты – те, кого защищает монарх, а тираны, соответственно, угнетают. Топос установился во времена Софьи в панегириках Сильвестра Медведева [Богданов, 2012, с. 8] и регулярно воспроизводился в одах от Ломоносова и Сумарокова до Кострова, в том числе в богдановичевской оде Петру III: «Слезами сироты не льются, / И правосудие везде» [Kutuzov, 2013, с. 290].

Екатерина, мстя султану за Россию, мстит за вселенную: «Tu venges l'univers en vengeant la Russie» [Voltaire, 1771a, p. 16], и Вольтер ее за это благодарит, это есть и у Богдановича: «Екатерина, мстя за Россов и за честь, / По человечеству явила всем услугу» [Вольтер, Богданович, 1772, с. 180].

«Кастрированный негодяй» («faquin châtré») заставляет страдать европейских послов, пишет Вольтер. Богданович нейтрализует инвективу:

Но сердцем стражду я, представя там послов,
Держимых наглостью под страже<й> внухов
[Вольтер, Богданович, 1772, с. 180].

Вольтер к этому выражению сделал примечание: имеется в виду шау-бача – обычно белый евнух, которому послы должны оказывать почести. «Когда главный черный евнух идет и на его пути оказывается посол, он должен остановиться, пока не пройдет вся процессия евнуха» [Voltaire, 1771a, p. 18], – поясняет Вольтер; такие же почести посол должен оказывать великому визирю, двум

кадиаскерам¹⁴ и муфтию. Вольтер напоминает о пленении русского посла в Османской империи Алексея Михайловича Обрескова (1718–1787): «Султан Мустафа, прежде чем объявить войну России, начал с заключения в тюрьму президента Обрескова (le président Obreskow) в нарушение международного права». Объяснений этих нет в переводе Богдановича, ниже я предположу, почему.

Вольтер, призывающий духов, изображенных Платоном, вывести русских «на поля Марафона, к стенам Платеи, к руинам Саламина», бескомпромиссен и категоричен, у него потомки Геракла и Гомера не подражают своим предкам и потому «лежат в пыли» (*couchés dans la poussière*): «A leurs divins ayeux craignant de ressembler, / Sont des frippons rempans qu'un Aga fait trembler» [Voltaire, 1771a, p. 16]. «Это следует понимать не обо всех греках, а о тех, кто не поддержал русских как следует», – добавил он в примечании [Voltaire, 1771a, p. 19], но никого этим не обманул. «Его не интересовали судьба современных греков и возможность их независимости. Он считал, что современные греки живут в состоянии упадка, за который несут ответственность Византия, а затем османское правление» [Палакωνσταντίου, 2005, с. 105]. Пропаганда, как было видно уже по «Письму из Сатурна», не требовала критиковать греков, и Богданович смягчает пассаж. У него никто не лежит в пыли, а рабство и неволя скорее не вина, но беда греков:

Геракл и Геркулес взирают смутны к нам,
Достойного плода не зря в потомках боле,
Их отрасль, подражать не смея праотцам,
Трепещет пред Агой иль в рабстве иль в неволе
[Вольтер, Богданович, 1772, с. 181].

Для пользы Европы Вольтер пожертвовал в публичном дискурсе антиклерикализмом, который занимает свое место в корреспонденции к Екатерине [Zorin, 2014, p. 34], и оставил русским вдохновляться их религиозными символами, легендарными в манифесте о начале войны от 18 ноября 1768 г.; Богданович заполняет пустующее место в списке того, что не может терпеть Вольтер:

¹⁴ Кадиаскеры (казаскеры) – верховные судьи по военным и религиозным делам, по-турецки Kazasker (войсковой судья), по-османски kadiasker, по-французски cadilesker.

«Чтоб дерзкою рукой безсовестный Паша / Ругался завсегда над христианской кровью» [Вольтер, Богданович, 1772, с. 180].

О климате и варварах

Цирцея превратила спутников Улисса в свиней, Екатерина должна превратить греков в воинов. Вольтер доказывает силу влияния монарха на подданных:

Ce n'est point le climat qui fait ce que nous sommes.
Pierre était créateur, il a formé des hommes.
Tu formes des héros...

(Не климат делает нас такими, кто мы есть.
Петр был творцом, он создавал людей.
Ты создаешь героев...)

Виконт Жорж д'Авенель указал, что стих о климате – выпад против Монтескьё [Avenel, 1869, p. 573], т.е. против «Духа законов» (*L'Esprit des lois*, 1748), где разработана теория географического детерминизма, объяснявшая климатом особенности политического устройства государств и разницу менталитетов¹⁵. Вольтер спорил с этой теорией в статье «Климат» из «Философского словаря», доказывая, что влияние правительств и религии сильнее влияния климата. Метафору победы государя над климатом он вставит в письмо к А.П. Сумарокову: «Совершенно необходимы государи, которые любят искусства, понимают их и им покровительствуют. Они переменяют климат и заставляют цвести розы среди снегов» (“Il faut donc absolument des Souverains qui aiment les arts, qui s’y connaissent & qui les encouragent; ils changent le climat, ils font naître les roses au milieu des neiges”) [Сумароков, 1771, с. 5]¹⁶. Богданович размывает стих о климате и сплавляет его с

¹⁵ Рассуждать о влиянии климата на характер и менталитет начал еще Аристотель, и с тех пор теоретики подверстывали под климат разные черты характера. Симон де Лалубер писал: «Существенной чертой народов очень жарких или очень холодных стран является лень ума и тела, с той разницей, что в странах слишком холодных она вырождается в тупость, а в странах слишком жарких всегда есть разум и воображение, но такого рода воображение и разум, которые быстро устают от малейшего применения» [La Loubere, 1691, p. 231].

¹⁶ Сумароков напечатал его приложением к трагедии «Дмитрий Самозванец»: «Точный мне г. Вольтера ответ. Au Chateau de Ferney 26 Fevrier 1769»

мифологией Петербурга как города, построенного вопреки природе, и Петра I как покорителя природы.

Обильнейших земель плодом одарены,
Другие щастливы бывают от Климата,
Но в севере творец прещастливой страны,
Петр область основал обильную средь блата
[Вольтер, Богданович, 1772, с. 181].

Ни Петербурга, ни «прещастливой страны» в эпистоле не было, идея Вольтера другая: характер народа определяется не климатом, но правителем. Петр создал новую породу россиян, включенных в европейскую ойкумену, Екатерина – героев – освободителей Европы от исламских варваров, и такими же должна сделать греков. Это часть западного дискурса, рисующего Петра как цивилизатора и победителя природы в двойном смысле – победы над климатом и над варварством.

Погрязавшую до Петра в невежестве Московию описывал Фонтенель (*Éloge du czar Pierre I*, 1725), и концепция перешла в вольтеровскую «Историю Российской империи при Петре Великом». По Вольтеру, Петр, будучи варваром, преодолел натуру и, хотя не избавился от собственного варварства до конца своих дней, принудил подданных к цивилизации. Варварство и дикость ассоциировались с холодом или иначе – холод располагал к варварству [Cotterill, 2024]. Триумф над природой описан в поэме «Зима» Джеймса Томпсона (1726), где Петр просвещает варваров, пробуждая в них жажду к знанию, и покоряет дикие земли [Соловьева, 2001], причем источником идей для Томпсона стал некролог на Петра из журнала *The Plain-Dealer* (1725), издававшегося его другом Аароном Хиллом [McKillop, 1952, p. 28]. Концепция русского варварства перейдет в «Политические наставления» (1760) барона Бильфельда (Jakob Friedrich von Bielfeld, 1717–1770), в «Житие и славные дела государя императора Петра Великого» (1772) Захарии Орфелина, etc.

Ни идея покорителя природы и климата, ни образ Петра как человека нового типа и цивилизатора упрямых варваров не уникальны для Вольтера. Это причина, по которой Петр стал идолом

[Сумароков, 1771, с. 5–8], с отдельной пагинацией; потом оно включалось в собрания сочинений Вольтера.

просветителей¹⁷, а «Робинзон Крузо» – одним из самым читаемых романов эпохи: они показывали, что по воле одного человека цивилизация может быть построена в самых диких условиях. То, что казалось феноменологически интересным просветителям, внутри империи воспринималось как оскорбление.

Ф.И. Дмитриев-Мамонов, критикуя Вольтера, у которого «златом заткнут слух», – не уточняя, чьим «златом», заказчиком выступило елизаветинское правительство, – противопоставлял ему Орфелина, который «писал дела Петра, Волтера лутче зная», но и ему «не прощал», что он унижает допетровскую Московию и «глупыми людей, народы те зовет, которы много царств к России соединили» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 360]. Мамонов утверждал непрерывность истории, – «...тому, читатель, верь, что россы быв тогда, мы россы и теперь» [Дмитриев-Мамонов, 2019, с. 363] – и создал в «Поэме “Россия”» (1773) патриотическую ее модель, противоположную официозному патриотическому нарративу: пока Екатерина, настаивавшая на относительности теории климата, доказывала в «Наказе» 1767 г., что нравы уже не соответствовали климату, потому и Петровские реформы удались [Ивинский, 2023, с. 36–38]¹⁸, он нашел повод для гордости в опустошительных варварских набегах на римские города.

Отсылка к концепту была взрывоопасной, но Богданович не мог ею пренебречь вовсе – она была частью элегантно-метафорической конструкции, приписывавшей Екатерине честь продолжательницы дел Петра, поэтому он переводит:

И естли в оной <стране> Петр людей соделать мог,
Екатерина днесь соделала Героев.

¹⁷ Кроме Руссо, доказывавшего, что влияние Петра было вредным, поскольку он вмешался в естественное развитие нации, которая, впрочем, как была, так и осталась варварской: «самоуважение русских» и тут подверглось оскорблению [Städtke, 1994, S. 385].

¹⁸ Переводы «Политических наставлений» и «Жизни Петра Великого» (частным порядком) были изданы, позже требования устрожатся. «От иностранцев, желавших печатать в России труды по русской истории, Екатерина требовала полного отречения от зарубежных предрассудков в отношении Российской империи» [Шамрай, 1947, с. 79], на каковом основании в августе 1788 г. будет забракован перевод *Rerum Moscovitarum commentarii* Герберштейна, Екатерина сочла его «inimprimable parce qu'il dit beaucoup de mal de la Russia, mais il etait singulierement instruit du local et des productions de pays et le chaque province de facon que j'ai ete etonnee en le disant» [Шамрай, 1947, с. 80].

Это пример искусства переводить вокруг текста, а не так, как написано, которое видно и в переводе мармонтелевской эпистолы. Ключевые слова – Петр, климат, – остались, но смысл дестабилизирован. Не климат формирует нацию, но правитель, так Петр создал людей из варваров даже в суровом климате, имеет в виду Вольтер. Петр, который победил климат и создал Петербург, насеял добродетели по всей стране¹⁹ и сделал ее счастливой, переводит Богданович. Тот же навык манипуляции словами обнаруживается в екатерининской переписке с Вольтером, он ей пишет: идите и освободите Грецию, буду ждать вас на полях Марафона, она ему отвечает: вот вам пока шуба в греческом стиле на сибирском меху.

Импотент vs шлюха: к ранней сексуальной репутации Екатерины

Османские культура и образ жизни представляются Вольтеру дегенеративными. Ошибка султана в том, что он правит «в объятиях гордости» и «рокового покоя», усыпленный «сонными бабами». Дни Екатерины, напротив, отмечены боями и торжествами, она диктует законы, направляет воинов на подвиги, развивает искусства, которые обогащают империю, и переписывается с ним, Вольтером:

Elle donne le bal, elle dicte des lois,	Трудится день и ночь возставить всех покой,
De ses braves soldats dirige les exploits,	И меж трудов, ко мне писать находит время.
Par les mains des beaux arts enrichit son empire,	В то время Мустафа, гордясь пред Визирем,
Travaille jour et nuit, et daigne encor m'écrire ;	В чертогах роскошью безчувственную дышет,
Tandis que Moustapha, caché dans son palais,	Зевает в праздности, не мысля ни о чем,
Bâille, n'a rien à faire, et ne m'écrit jamais	И никогда ко мне, в прибавок, он не пишет
[Voltaire, 1771a, p. 17]	[Вольтер, Богданович, 1772, с. 182].

Сонная, утопающая в роскоши и праздности Османская империя, интеллектуально слабая и немотивированная в военном от-

¹⁹ Ср. то же клише в оде Екатерине на Новый год: «Монархи славные делами <...> Блаженство шлюют во все места» [Богданович, 1773, с. 10].

ношении (ибо ранее постулировано, что пример подданным подает правитель, а правитель ленив и празден), противопоставляется деятельной, развивающейся Российской, которая отстаивает европейские ценности и, по Вольтеру, должна победить.

Когда султан получит весть, что он «потерял сотню кораблей в морях Греции», а его визирь сбежал, «что у него отнимают Дакию, Нимфею и Колхиду, / Колхиду, где Митридат погиб при Помпее», «душу его мало трогают все эти пустые слова, / Он никогда и не слышал о Митридате» – «De tous ces vains propos son ame est peu frappée; / Jamais de Mithridate il n'entendit parler» [Voltaire 1771a, p. 17]. Это Богданович вольно передает, но изымает фрагмент о воображаемой реакции султана на поражение:

Il prend sa pipe, il fume ; et, pour se consoler,
Il va dans son harem, où languit sa maîtresse,
Fatiguer ses appas de sa molle faiblesse.
Son vieil eunuque noir, témoin de son transport,
Lui dit qu'il est Hercule ; il le croit et s'endort
[Voltaire, 1771a, p. 17].

(Он берет трубку, он курит; и, чтобы утешиться,
Он уходит в свой гарем, где томится его любовница,
Изнуряя ее прелести своей слабой нежностью.
Его старый черный евнух, свидетель его экстаза,
Говорит ему, что он Геркулес; он этому верит и засыпает.)

Геркулес, кроме прочего, – символ сексуальной мощи, восходящий к мифу об оплодотворении за одну ночь 50 дочерей Теспия, переданному Псевдо-Аполлодором. Мустафа окружен льстецами, которые поселяют в нем уверенность, но на самом деле бессилен во всех сферах – в науках, управлении страной и в сексе, но на последний случай у него есть обученный евнух, который уверит в обратном.

В России можно было свободно осуждать Мустафу, и в переводе «Поэмы о нынешних делах» султан фантазировал об оргии с двумя наложницами, однако там не было антитезы Мустафа vs Екатерина.

Просветительская антитеза тиран vs просвещенный монарх в эпистоле иллюстрируется примером из новейшей современности. Весь текст выстроен на том, что султан противопоставляется россий-

ской императрице: султан празден, императрица – деятельна²⁰, султан понятия не имеет, кто такой Митридат, императрица просвещена и покровительствует наукам, султан ему не пишет, Екатерина пишет, султан обречен на поражение, императрица – на победу, султан – импотент, и тут сравнения заканчиваются, но никому ничего не стоило их достроить.

Вскоре после переворота 1762 года прусский король Фридрих отмечает, что новая «императрица очень остроумна, нерелигиозна и имеет нрав покойной императрицы», в последней характеристике считывается «отсылка к сексуальной распушенности Елизаветы» [Dawson, 2022, p. 35].

Обсуждение сексуальной жизни Елизаветы было табу²¹, и таким же табу, за нарушение которого полагалась смертная казнь, «милостиво» заменявшаяся ссылками в Сибирь, стало обсуждение интенсивной сексуальной жизни новой императрицы. Ряд дел тайной канцелярии о военных и придворных, наказанных за «непристойные» разговоры об отношениях Екатерины и Григория Орлова, от которого у императрицы в 1762 г. родился внебрачный сын²², свидетельствует, что Екатерина поначалу в самом деле воспринималась на фоне покойной предшественницы – как феномен озорчатый, но уже виданный.

В 1763 г. высечен и сослан на каторгу солдат Яицкого полка Михаил Стебеков, назвавший императрицу «блядь». В заявлении было мало политики, но много коллективного бессознательного. 20 декабря 1762 г. караульный капрал Замятин увидел Стебекова в казарме пьяным и заметил, что у того, «как у некакой бляди, бровь

²⁰ О гендерном контрасте слабого султана сарданапальского типа и полной мужской энергии Екатерины [Ferre, 2024, p. 11, note 40]. Визуальная маскулинизация Екатерины на европейских карикатурах датируется годом переворота и идет параллельно с демаскулинизацией Петра III, свергнутого сильной женщиной [Dawson, 2022, p. 177–179], и характеристики вошли в вольтеровские ее портреты.

²¹ Дело 1757 г. по экстракту Тайной канторы о наказании кнутом содержавшегося в ней ссыльного колодника, бывшего московского купца 3-й гильдии Сергея Капралова, за произнесение им непристойных слов об императрице Елизавете Петровне, что, якобы, «всемилостивейшая государыня живет с Разумовским» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Карт. 344. Д. 736), по ветхости не сохранилось.

²² Американский историк Джон Торндайк Александер, который поставил Екатерине диагноз «Нимфомания?» [Alexander, 1989, p. 201–227], писал, что «новым Геркулесом» называли Орлова [Alexander, 1999, p. 238–239], оставив в секрете, кто его так называл.

разшибена». Стебеков схватил полено, чтобы расшибить лицо и капралу, но его удержали, и тогда он выкрикнул в сердцах при семи свидетелях, что «ежели он, Стебеков, блядь, то и ея императорское величество блядь»²³.

В 1764 г. гренадер Лукьян Кобелев распространял слухи, что граф Орлов «хочет быть принцом» и имеет на то «подписку», и что государыня хочет за него «замуж итти»²⁴. Тогда же дворцовый оружейный мастер Петр Лебедев был сослан на каторгу в Нерчинск за то, что во время пьяного разговора удовлетворил любопытство Михаила Размахова, регистратора полицейской канцелярии, который спросил, правда ли, что Орлов «живет с государыней во дворце, как граф Алексей Григорьевич Разумовский прежде жил»? Лебедев подтвердил, что так и есть. О Разумовском он слышал от покойного камердинера Николая Паулсона, а об Орлове от дворцового кучера Николая Короткого, который рассказал, что «всемиловейшая государыня живет в великом союзе с графом Григорием Григорьевичем Орловым и для того де его более всех жалует»²⁵.

Ассессор Иван Дубенский утверждал, что Орлов, застав при государыне цесаревича, хотел его «заколоть», и что ей самой негоже быть на царстве, поскольку она чужеземка²⁶, а в приватном («по свойству») разговоре в карете рассуждал: «Вот де прежде здесь был Шувалов и, нажившись, уехал, дай граф де Григорей Григорыч так же, нажившись, прочь со временем уедет, потому что он гдрню нашу ==»²⁷. Поручик Шлиссельбургского пехотного

²³ Дело о солдате Михаиле Стебекове, бранившем императрицу Екатерину II (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2081. Л. 6). Реплика капрала будет смягчена при доношении в Сенат: «эк де у тебя как у бабы бровь разбита» (там же. Л. 14).

²⁴ По доносу капельмейстера Штарцера на гобоистов и пр. Измайловского полка, говоривших непристойныя слова об отношениях императрицы Екатерины II к гр. Григорью Орлову. 1764 (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2134. Л. 32об. – 33).

²⁵ Об отправлении придворнаго оружейнаго мастера Петра Лебедева и регистратора Михайла Розмахова за непристойныя слова о графе Григорье Орлове и императрицах Елизавете и Екатерине II-й. 1764 (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2157. Л. 4об. – 5).

²⁶ Об ассессоре Иване Дубенском, канцеляристе Федоре Гордееве и сержанте Луке Волкове, лишенных чинов и сосланных в Сибирь и Оренбург за разговоры об отношениях императрицы Екатерины II к графу Гр. Орлову. 1767 (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2233. Л. 32).

²⁷ Там же. Л. 37.

полка Николай Спешнев в поданной генерал-квартирмейстеру князю А.А. Вяземскому записке опустил использованный Дубенским глагол, и он остался покрытым мраком веков. Из допросов розыскной экспедиции следует, что такие разговоры были очень популярны в январе 1767 г.

В 1770-е Екатерина затмит Елизавету – в 1772 г. Орлова сменил Александр Васильчиков, в 1774 г. – Григорий Потемкин, в 1776 – Петр Завадовский, в 1777 г. – Петр Зорич, и т.д. – а промискуитет ее станет предметом сатир. В памфлете Готлиба Панцмюцера (Gotlieb Pansmouzer, псевд.; Lindsey Theophilus, 1753–1808) «Раздел Польши, иллюстрированный в семи драматических диалогах» (1773), переведенном на французский, польский, немецкий, итальянский и голландский [Бильбасов, 1896, с. 165], «императрица Р-сс-и» говорит: «Я краснею только от нескольких вещей. Я достаточно далеко продвинулась в философии, чтобы победить угрызения совести, но у меня страсть к славе, а слава недостижима без некоторой видимости добродетели». Впрочем, обе собеседницы, Екатерина и Мария Тереза Австрийская, испытывают смущение, когда речь заходит об отсутствии у Фридриха интереса к женщинам [Dawson, 2022, p. 124], видимо, это одна из тех немногих вещей²⁸. Тут не просто вышучивается лицемерие (добродетель, нужная только для прикрытия) – отсутствие стыда прямо увязывается с влиянием новейшей философии: поощряемый миф «Минерва на троне» подсвечивается мифом «шлюха на троне».

В 1780-е Екатерину уже будут открыто называть шлюхой в прессе, разумеется, европейской [Dawson, 2022, p. 188], в 1790-е репутация примет порнографические формы²⁹ и, между прочим,

²⁸ Несмотря на обилие хорошо документированных свидетельств о склонности Фридриха к молодым пажам, либертинских вечеринках в Рейнсберге, отращивании к принудительному браку с Элизабет Кристиной (1715–1797) и к женщинам вообще, а также о ближайшем его окружении, состоявшем исключительно из мужчин, немецкому историку Райнхарду Алингу пришлось констатировать, что все это «отражает атмосферу XVIII века, полную сплетен и слухов», и не отыскивается ни одного прямого указания, что император свою гомосексуальность с кем-то «реализовал». Компактную подборку этих слухов, в распространении которых почетная роль отводится Вольтеру, и список особо приближенных к Фридриху мужчин, коих насчитывается не менее пяти, см.: [Alings, 2012].

²⁹ С раздвинутыми ногами Екатерина нарисована на карикатуре *Tous mes beaux Pays-bas* [Dawson, 2022, p. 159, fig. 10.5] и на гравюре «Императрица принимает своих храбрых гвардейцев», приписываемой И.Г. Рамбергу или Т. Роуландсону [Alexander, 1999, p. 243, fig. 15]; на гемме *Katharina II* она изображена держащей по члену в каждой руке [Alexander, 1999, p. 243, fig. 16]. Стадии фор-

агрессия против османов будет интерпретирована как результат сексуальной ненасытности. На французской карикатуре *L'Enjambée Impériale* (1791), где Екатерина изображена с обнаженной грудью, стоящей одной ногой на Гром-камне, другой попирающей мечеть в Константинополе, монархи заглядывают ей под юбку, Георг III дивится: «Какая колоссальная экспансия», а султан восклицает: «Вся французская армия не может ее удовлетворить» [Dawson, 2022, p. 154].

Богданович, побыв секретарем на дипломатической службе, конечно, знал об этой репутации, а как литератор должен был улавливать неконтролируемые ассоциации, которыми угрожает сохранение вольтеровского пассажа. Чтобы не провоцировать аналогии, он изымает сцену в гареме, и без того не слишком уместную в публичном диалоге, и сразу переходит к финальному пуанту.

Теодицея и «глупый тиран»

В финале Вольтер, продолжая давний спор с теодицеей, задается тем же антиоптимистическим вопросом, что и в «Поэме на разрушение Лиссабона» (1755), «Диалоге между брамином и иезуитом» (1756), «Истории путешествий Скарментадо, написанной им самим» (1757) и «Кандиде» (1758) – как так получается, что божественная мудрость допускает зло.

Ô sagesse des dieux ! je te crois très-profonde :
Mais à quels plats tyrans as-tu livré le monde !
Achève, Catherine, et rends tes ennemis,
Le Grand Turc, et les sots, éclairés et soumis.

(О мудрость богов! Я верю, что ты очень глубока,
Но каким пошлым тиранам ты отдала мир!
Доверши начатое, Екатерина, и воздай своим врагам,
Великому Турку и глупцам, осветив и подчинив их.)

Эпистола проясняет вольтеровскую философию, знакомую по хрестоматийным его сочинениям, по крайней мере, в вопросе о теодицее. Вольтер не сомневается в сложности творения, но видит, что результаты его несовершенны. С несовершенствами нельзя

мирования репутации в европейской сатире отслежены в монографии Доусон, хоть и не без досадных упущений: исследовательница не смогла отыскать график менструального цикла Екатерины, дворцовые мемуаристы злонамеренно сокрыли эту информацию [Dawson, 2022, p. 82–83].

*«Тиран Византии» и его победительница. Как Богданович перевел
вольтеровскую «Эпистолу императрице России Екатерине II»*

мириться и принимать их как часть высшего замысла, их надо по-сильно исправлять (в этом, кажется, и мораль «Кандида» – сад сам себя не возделает), и такой шанс выпадает Екатерине, которая имеет возможность сделать больше, чем многие. Богданович передает это многословнее, чем в оригинале:

О Боже! всех творец, властитель наших дней,
Я славлю власть твою и чту твои уставы;
Но должен чувствовать, что к пагубе людей
Тирану глупому даешь над светом правы.
Сверши, Монархиня, сверши Твои дела:
Конечно, Божество Тебя преднаписало,
Чтоб к страху Ты привесть и к разуму могла
Султана и невеж, которы мыслят мало.

Объем увеличен вдвое за счет того, что переводчик снова смягчает вольтеровский язык, использует перифразы («всех творец, властитель наших дней...»), эпифору («сверши... сверши...») и сочиняет дополнительные обоснования для войны. Здесь больше расшаркиваний с божеством до предъявления ему претензии, причем претензия становится политической и оправдывающей российскую внешнюю политику, и Екатерина именуется орудием божества в исправлении несовершенств. У Вольтера был другой декоративно-риторический фрагмент (стихи 29–37), где он призывал «духов, происходящих от великого существа» («*purs esprits émanés du grand Être*»), вести воинов «на поля Марафона, к стенам Платеи, к руинам Саламина», с деистической оговоркой: «Да смогут боги, если эти вечные боги вмешиваются в дела несчастных смертных...» – «*Puissent les dieux surtout, si ces dieux éternels Entrent dans les débats des malheureux mortels...*», причем боги эти древнегреческие – те, «которых некогда вообразил в Греции Платон» («*Que jadis dans la Grèce imagina Platon*»), а Екатерина делает то, что должна, потому что она просвещенная монархиня: «Верни им их имя, их богов, их таланты и их законы» («*Rends-lui son nom, ses dieux, ses talents, et ses lois*»). Богданович сопрягает посылки, у него Екатерина выполняет предначертание синкретического «православного» бога, который в одической поэтике стал риторико-

теологической фигурой, легитимирующей любую политическую флуктуацию³⁰.

Девиз «с нами бог», ненароком встроенный в вольтеровский текст, – еще один условный рефлекс российских панегириков, вплоть до «Поэмы Лавронос» Михаила Угрюмова, где Бог наставляет Петра Панина: «Поди, рек, злобных мысль коварную сотри», а граф клянется уничтожить «поганого изувера» (османов), – вступает в контрадикцию с увещеванием к богу («но должен чувствовать»), который дал тирану права над светом. Чтобы ее избежать, Богдановичу нужно было либо избавиться от одного из утверждений, либо прописать логический переход, но тогда пришлось бы сказать, что Бог признал ошибку и предначертал Екатерине ее исправить.

Богданович-переводчик не только не старается передать текст в неприкосновенности³¹, но амплифицирует элементы, полезные для пропаганды, и приглушает вредные.

«Писатель некто книг»: гипотеза о ссылках и версия «Лиры»

В вольтеровском тексте было пять примечаний, которые у Богдановича не воспроизводятся. В переводе редакции «Вечеров» только одна сноска, поясняющая, что город, «где прежде славились Гораций и Сцевол», а ныне «наполнен стал от Папы чернецами», – это Рим, и она не вольтеровская. В вольтеровской «Поэме на разрушение Лиссабона» в переводе Богдановича тоже не было сносок, вместо этого он отослал к французскому тексту, что объясняли цензурными причинами [Серман, 1957, с. 241], ср.: [Забо-

³⁰ Замирение с Оттоманскою Портою тоже будет описываться как ниспосланное божественное благословение, ср. оду 1774 г., которая начинается с аллюзии на Благовещение: «Не паки ль вестник скоротечный, / С небес пришел, верховный дух, / К жене реши совет предвечный, / И успокоить земный круг?» Екатерина уподобляется Деве Марии, получающей весть от ангела, а мир представлен как акт Божьей милости, осуществленный через Екатерину же («...Тебе изволил Вышний дати, / И мечь, и красен миром трон; / Ты ярость браней отвратила, / Россию паки воскресила, / Исполнив чудесами свет. / Славна в войнах царей порфира: / Но что славней любви и мира? / Тебе во славе равных нет»). Такое приручение бога, разумеется, связано с сакрализацией власти и не уникально для российского придворного дискурса.

³¹ Не упоминая о таких мелочах, как парная рифма у Вольтера и перекрестная в переводе, декасиллаб, подсказывавший 5-стопный ямб, но переданный 6-стопным. Эквилинеарности тогда вовсе никто не требовал, что немало помогало.

ров, 1978, с. 31]: не все «философические мысли г-на Вольтера», как поэма озаглавлена в «Лире» [Богданович, 1773, с. 46–48], можно было читать русской публике. В случае с эпистолой это объяснение не годится: перевести сноску об аресте Обрескова, упомянутом в манифесте о начале войны, было не то что безопасно, но и крайне желательно – это будет один из пунктов переданного Вольтеру 20 ноября 1771 г. через графа А.П. Шувалова задания к «Набату королям» [Киселев, 1864, с. 7]³². В переводе вольтеровской «Нанины», который Богданович напечатал в 1766 г. перед отправкой в Саксонию, опущено авторское предисловие, важное для понимания задач пьесы. Отсюда можно было бы заключить, что Богданович всегда был склонен избавляться от метатекстов безотносительно к их содержанию, и объяснить этим отсутствие сносок в эпистоле, если бы не следующее место:

Un grand homme du temps a dit dans un beau livre,
Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre.
Ce grand homme à raison: les exemples d'un roi
Feraient oublier Dieu, la nature, et la loi.
Si le prince est un sot, le peuple est sans genie
[Voltaire, 1771a, p. 16].

(Великий человек нашего времени сказал в прекрасной книге:
«Когда Август пил, Польша была пьяна».
Этот великий человек прав: пример короля
Заставит забыть Бога, природу и закон.
Если принц дурак, народ неодухотворен.)

Вольтер поясняет в примечании, откуда цитата: «Прочитанный стих принадлежит королю Пруссии: он находится в послании к его брату» [Voltaire, 1771a, p. 19] – «Эпистола I. Моему брату» (*L'Épître I à mon frère*)³³. Фридрих II, дважды отрекомендо-

³² Граф А. Шувалов 20 ноября 1771 г. передает Вольтеру екатерининские требования к «Набату» вместе с 1000 дукатов и просит оставить все в тайне. Вольтер в ответном письме от 25 декабря называет Екатерину «августейшая государыня ваша, моя и та, которая достойна быть повелительницей всего мира» (*votre auguste souveraine, la mienne et celle qui devrait l'être de l'univers entier*) и прибавляет: «Мне лестно писать под диктовку ея могучаго гения» [Киселев, 1864, с. 35, 38].

³³ Несмотря на добросовестную ссылку, стих останется в памяти современников как вольтеровский, и Ф. Голицын в своих записках скажет, повторяя, впрочем, вольтеровское применение этого сравнения к Екатерине: «Во время ея (Екатерины. – М. О.) царствования все было важно, почтенно. Она умела себя так

ванный как «великий человек» и автор «прекрасной книги», у Богдановича именуется «писатель некто книг»:

Писатель некто книг правдиво нам сказал:
Как Август в Польше пил, народ всегда был в пьянстве.
Когда не может Царь снискать себе похвал,
Народ теряет ум в безчестнейшем подданстве.

Это трудно объяснить иначе как тем, что Богданович переводил со списка, в котором не было примечаний. Он и прежде переводил многие тексты по необходимости, поэтому в его переводах 1760-х нет системы. Из примечания к «Малой войне» (*La petite guerre*), военной книге, переведенной по приказу графа Петра Панина, мы знаем, что Богданович работал с копией, где не было планов атак, маршей и ретирад [Малая война, 1766, с. 16]. Мармонтелевскую эпистолу он также переводил с рукописи. Так же, видимо, было и с вольтеровским текстом: женеvское издание, вероятно, было редкостью, но эпистолу срочно требовалось предъявить русской публике. Если гипотеза о сносках верна, перевод был другим заказом двора. Текст Богдановичу дали уже сокращенный, а дальше он его урезывал и приглаживал сам.

Перепечатывая послание в «Лире», Богданович избавится еще от двух фрагментов – о евнухах, которые унижают послов (в 1772 г., когда готовилась «Лира», начинаются переговоры, война возобновится весной 1773 г.), и о Риме. В двух случаях стихи перекomпонованы: Богданович переносит в конец текста похвалу за месть султану «Екатерине, явившей услугу» всему миру, и сдвигает с места фрагмент «Воскреснет Греция <...> Воскреснут слава там, закон, науки, Боги». Остальные замены стилистические, за исключением характеристики короля прусского, который наконец представлен как следует: «Фридерик второй Король Прусской» [Богданович, 1773, с. 43]. Эпистола открывала сборник «Эпистолы, сатиры, сказки... поэта-философа» (*Épîtres, satires, contes... du poëte philosophe* [Voltaire, 1771b, p. 5–9]), 22-й том полного собрания сочинений Вольтера (1772), стала известна широко, и Богданович сверил текст.

вести, что каждый вельможа ее почитал и любил и старался также на нее походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.
Вот как сильно действует над подданными пример государя!» [Голицын, 1874, стлб. 1292].

Заключение

В 1772 г. Вольтер напишет еще «Набат королям» (*Le Tocsin des rois*) уже по прямому заказу русского двора. Текст, опубликованный в русском переводе в 1779 г., следует темам, которые Екатерина требовала подчеркнуть: осуждение турецких «варваров», критика польского дворянства, которое вступило в союз с османами, и т.д.³⁴ До того как Вольтер стал лояльным пропагандистом, его тексты нуждались в редакции – задача, которую выполнил Богданович.

Вольтер отлично все понимал о российском империализме, в письме к Д’Аламберу от 26 июня 1773 г. он называл екатерининский режим «самым деспотическим в мире», но в случае с Турцией полагал, что война служит утверждению либерализма [Andrew, 2006, p. 115–118]. Оливье Ферре счел восторженные похвалы Вольтера «деспотичной» российской императрице частью более широкой стратегии компромисса: то, что герцогиня де Шуазель назвала «дешевой лестью», было инструментом стратегического влияния и мягкой силы – давления через восхищение. Вольтер хвалил Екатерину, чтобы повлиять на ее политику и реформы, укрепить образ России как оплота толерантности и критиковать церковь и европейских монархов, противопоставляя их «идеальному» правителю, поддерживавшему просветителей. Он противопоставлял «просвещенный Север» (Россию, Пруссию) «отсталому Югу» (католическим странам) и утверждал, что философия может восторжествовать только при поддержке короля. Поддержка «просвещенного деспота» казалась ему меньшим злом по сравнению с религиозным фанатизмом в Европе [Ferret, 2024].

Екатерина II как устроительница свободной России и Вольтер как пионер филэллинистического движения [Knös, 1955] – роли, которые они играли в публичном диалоге. Оба иногда переигрывали, отчего вольтеровские стихи «О Минерва Севера, о сестра Аполлона» (“*Ô Minerve du Nord ! Ô toi, sœur d’Apollon !*”) теперь некоторым кажутся пародией: настолько гиперболическая лесть,

³⁴ В книге П.Р. Заборова «антитурецким текстам» посвящена одна сноска [Заборов, 1978, с. 33, примеч. 89]. Анализ «Набата» как пропагандистского проекта см.: [Ferret, 2024, p. 9–12], где показано, как Вольтер, работая рупором русской пропаганды и выдавая ее за беспристрастный анализ, призывал европейских монархов к «крестовому походу» против Турции и вторил риторике Екатерины о «цивилизаторской миссии» России.

по мнению современных комментаторов, не могла не содержать иронии и игры, превращающейся в инструмент тонкой сатиры [Menant, Quégo, 2005, p. 251]. Возможно в таком случае, что тонкой сатирой была и антитеза импотента и шлюхи в разобранной эпистоле. В то же время текст полон серьезных и важных для просветителей тем, которые были результатом вольтеровских размышлений – выраженных в специфически вольтеровской манере – о российской истории и теодицее, судьбах Европы и османской культуре, тирании и просвещенной монархии.

В России было много Вольтера и мало вольтерьянства, а то, что было, дозировалось и фильтровалось. Это и случилось с переводом эпистолы, где спор с теорией географического детерминизма, отсылавший к концепции русских варваров, разбавлен мифологией Петра как победителя природы, нейтрализована вольтеровская исламофобия, вычищены инвективы и галльский этноцентризм. Богданович избавляется от «дураков» («*les sots*») и «кастрированных негодяев» («*faquin châtré*») при дворе султана, в ранней редакции есть «ослы» и нейтральные «евнухи», из второй пропадают даже они.

Богданович был больше пацифистом, чем Вольтер, в чем убеждают «Сугубое блаженство», «Письмо поселянина к военачальнику», «Историческое изображение России», драма «Славяне», и это могло сказаться на переводе, но главная причина, по которой его сочли пригодным для этого задания, – он хорошо понимал, что нужно и что не нужно двору, и какое именно представление разыгрывается. Обладая навыками дипломата, он обслуживал игру, которую вели Вольтер и Екатерина, и переводил так, чтобы публичный диалог поэта-философа с российской императрицей проходил как можно глаже, зарабатывая одновременно репутацию литератора, которому можно будет поручить заведование редакцией «Санктпетербургских ведомостей».

Список литературы

Источники

[*La Loubere S.*]. Du Royaume de Siam. Par Monsieur de La Loubere envoyé extraordinaire du Roy auprès du roy de Siam en 1687 & 1688. – A Paris : Chez La veuve de Jean Baptiste Coignard, et Jean Baptiste Coignard, 1691 [MDCXCI]. – T. 1. – 555, IV p.

[*Voltaire*]. Épître à l'Impératrice de Russie, Catherine II; Notes sur l'épître à sa Maj. Impériale de Russie // Les quatre dernières épîtres du poète-philosophe. – S.l. [Genève] : S.n., 1771a [MDCCLXXI]. – P. 15–17, 18–19.

[*Voltaire*]. Épîtres, satires, contes, odes, et pièces fugitives, du Poète Philosophe, dont plusieurs n'ont point encore paru. Enrichies de Notes curieuses & intéressantes. – A Londres, 1771b [MDCCLXXI]. – 415 p.

[*Voltaire*]. Traduction du poème de Jean Plokof, conseiller de Holstein sur les affaires présentes // Collection complete des oeuvres de M. de ***. – Genève, 1777 [MDCCLXXVII]. – Tome vingt-huitième. Mélanges philosophiques, littéraires, historiques, etc. ; Tome sixième. – P. 535–538.

[*Voltaire*]. Voltaire and Catherine the Great : selected correspondence / translated, with commentary, notes and an introduction by A. Lentin. – Cambridge : Oriental research partners, 1974. – 186 p.

[*Богданович И.*]. Ли́ра, или Собрание разных стихотворений и переводов некоторого муз любителя. – Санктпетербург, 1773. – [96 с.]

Вечера, еженедельное издание на 1772 год. – В Санктпетербурге, [1772]. – Ч. 1. – 208 с.

[*Вольтер, Богданович И.*]. Стихи г-на Вольтера, в России переведенные // Вечера. – 1772. – Ч. 1, Вечер 23. – С. 179–183.

[*Вольтер, Новиков Н.И.*]. Перевод с Поэмы, о нынешних делах, Иоганна Плокгофа, Голстинского Надворного Советника, в 1770 году. – В Санктпетербурге : [Типография Академии наук], [1770]. – [8] с.

[*Вольтер, Новиков Н.И.*]. Пoesма о нынешних делах, или увещание о восприятии против Турок оружия. Сочинение Г.В. В Санктпетербурге 1771 года // Переписка г. Волтера с Епископом А***. – Санкт-Петербург : [Тип. сухопут. кадет. корпуса], 1771. – С. 37–48.

[*Голицын Ф.Н.*]. Записки князя Ф.Н. Голицына // Русский архив. – Москва : Тип. Грачева и Комп., 1874. – Книга первая. – Стлб. 1275–1336.

Дмитриев-Мамонов Ф.И. Дворянин-философ. «Известия», рукописные книги, медали и «системы», (1770–1780) / сост. М.Ю. Осокин. – Москва : Б.С.Г.-Пресс, 2019. – 1223 с.

[*Киселев Н.*]. Два письма из переписки Вольтера с гр. А.П. Шуваловым 1771 г. / публ. и заметка Н.К. // Русский архив. – 1864. – Вып. 1. – Москва : Тип. В. Грачева и Комп., 1864. – Стлб. 34–41.

Малая война, описанная маиором в службе короля пруссакого / переведена с французского [Ипполитом Богдановичем]. – Санкт-Петербург : [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1766. – 342 с.

[*Новиков Н.И.*]. Письма Н.И. Новикова. – Санкт-Петербург : Издательство имени Н.И. Новикова, 1994. – 384 с.

Русская сатирическая проза / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.В. Стенника. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 448 с.

[*Сумароков А.*]. Дмитрий Самозванец Трагедия. Александра Сумарокова. Представлена в первый раз в 1771 году февраля 1 дня на Императорском театре, в Санктпетербурге. – [Санкт-Петербург] : Печ. при Имп. Акад. наук, [1771]. – 74, [2], 9 с.

Исследования

Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. – Берлин : Stuhr'sche Buchhandlung, [1896]. – Т. 12, ч. 1 : Обзор иностранных сочинений о Екатерине II (1744–1796). – VIII, 564 с.

Богданов А.П. Стих торжества. Рождение русской оды : последняя четверть XVII – начала XVIII века : в 2 ч. – Москва : ИРИ РАН, 2012. – 678 с.

Гордон Л.С. Вольтер в работе над «Кандидом» : диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук / НКССК СССР, Ленинградский институт механизации сельского хозяйства. – зерноград, 1944 ; Ленинград, 1945. – 193 с.

Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 247 с.

Ивинский А.Д. Русская литература XVIII века и культурный проект Екатерины II. – Москва : Водолей, 2023. – 400 с.

Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – Т. 4, вып. 2 : Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения, XVII – первая треть XIX в. / сост. И.Ф. Мартынов. – 349 с.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – Москва : НЛЮ, 2006. – 332 с.

Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основании документов архива конференции Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург : Сириус, 1914. – 162 с.

Серман И.З. И.Ф. Богданович, Примечания // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы / вступительная статья и комментарии И.З. Сермана. – Ленинград : Советский писатель, 1957. – С. 5–42, 221–246. – (Б-ка поэта).

Симанский П. Некоторые редкости моего собрания // Русский библиофил. Журнал историко-литературный и библиографический = Le bibliophile Russe. Revue illustrée des Amateurs de Livres et de Gravures. — 1913. – № 7 (Ноябрь). – С. 28–40.

Соловьева Н.А. Петр I в английской литературе XVIII в. // Петр Великий – реформатор России : материалы и исследования / Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль». – Москва : Моск. Кремль, 2001. – Вып. 13. – С. 101–109.

Шамрай Д.Д. Из истории цензурного режима Екатерины II. Архивно-библиографические разыскания, (1762–1783 гг.) : диссертация кандидата педагогических наук. – Ленинград, 1947. – 251 с.

Alings R. Don't ask – don't tell – war Friedrich schwul? // Friederisiko. Friederich der Große. Die Ausstellung. Katalogbuch zur Ausstellung im Neuen Palais, Potsdam, 28. April bis 28. Oktober 2012 / Generaldirektion der Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg. – München, 2012. – S. 238–247.

Alexander J.T. Catherine the Great : life and legend. – New York : Oxford univ. press, 1989. – xii, 418 p.

Alexander J.T. Catherine the Great as porn queen // Eros and pornography in Russian culture / ed. by M. Levitt and A. Toporkov. – Moscow : Lodomir, 1999. – P. 237–248.

Andrew E. Voltaire and his female protectors // Andrew E. Patrons of Enlightenment. – Toronto ; Buffalo ; London : Univ. of Toronto press, 2006. – P. 99–118.

Oeuvres complètes de Voltaire avec préface, notes et commentaires nouveaux par Georges Avenel. – Paris : Aux Bureaux de siècle, 1869 [MDCCCLXIX]. – T. 6. – 807 p.

Camariano A. Spiritual revoluționăr francez și Voltaire în limba greacă și română. – București : Institutul de Studii și Cercetări Balcanice, 1946. – 198 s. – (Seria Istorică ; N 6).

[*Capefigüe J.B.H.R.*]. La grande Catherine, Imperatrice de Russie / par M. Capefigüe. – Paris : Amyot, 1862 [MDCCCLXII]. – 204 p.

Coquin F.-X. Un inédit de Marmontel : Épître à sa majesté Catherine II // Revue des études slaves. – 2002. – Vol. 74, N 4. – P. 865–866.

Cotterill A. Cold tyranny and the demonic north of Early Modern England. – Amsterdam : Amsterdam univ. press, 2024. – 336 p.

Davies S. Voltaire's Les Lois de Minos : text and context // The enterprise of Enlightenment : a tribute to David Williams from his friends / ed. by T. Pratt, D. McCallam. – Oxford : Peter Lang, 2004. – P. 245–264.

Dawson R. Catherine the Great and the culture of celebrity in the eighteenth century. – London ; New York ; Oxford ; New Delhi ; Sydney : Bloomsbury academic, 2022. – 297 p.

Ermolaeva E. Neo-Hellenic poetry in Russia : Antonios Palladoklis (1747–1801) and Georgios Baldani (about 1760–1789) // Hyperboreus : studia classica. – 2019. – Vol. 25, Fasc. 2. – P. 375–386.

Ferret O. Pour Catherine. La propagande en faveur de l'impératrice de Russie dans les opuscules voltairiens des années 1767–1772 // Penser et écrire l'histoire à l'âge classique. Hommage à Catherine Volpilhac-Auger / dir. M. Méricam-Bourdet. – Paris : H. Champion, à paraître, 2024. – URL: <https://shs.hal.science/halshs-04788433v1>

Kahn A. Ippolit Bogdanovič and Voltaire's *Épître à l'impératrice de Russie*: Adapting Praise // Modern languages open. – 2024. – 28.11. – URL: <https://modernlanguagesopen.org/articles/10.3828/mlo.v0i0.515>

Knös B. Voltaire et la Grèce // Extrait de l'hellénisme contemporain. – 2e série. – 1955. – T. 9. – P. 6–31.

Kutuzov M. The personal mythology of Peter III Feodorovich as deployed in Russian panegyrics of 1742, 1743, and 1762. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures. – Edmonton (Alberta), 2013. – 295 p.

McKillop A.D. Peter the Great in Thomson's *Winter* // Modern language notes. – 1952. – Vol. 67, N 1. – P. 28–31.

Séries parodiques au siècle des Lumières / Textes réunis par S. Menant et D. Quéro. – Paris : P.U.P.S., 2005. – 436 p.

Ousselin E. The invention of Europe in French literature and film. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – X, 190 p.

**«Τυραν Βιζαντίας» и его победительница. Как Богданович перевел
вольтеровскую «Эписто́лу императрице России Екатерине II»**

Städte K. Voltaire und Rousseau über Peter 1. und Rußland: Anmerkungen zur Konzeptualisierung der neueren russischen Geschichte // Zeitschrift für Slawistik. – 1994. – N 39(3). – S. 383–392.

Venturi F. Settecento riformatore : la prima crisi dell'Antico Regime, 1768–1776. – Torino : G. Einaudi, 1979. – XVIII, 458 p. : 45 ill. – («Biblioteca di cultura storica» ; 103).

Vroon R. On the composition of Ippolit Bogdanovič *Lira* (toward a history of Russian poetic sequence in the 18th century) // Russian literature. – 2002. – Vol. 52, N 1/3. – P. 181–200.

Weil R. Sometimes a scepter is only a scepter : pornography and politics in Restoration England // The invention of pornography. Obscenity and the origins of modernity, 1500–1800 / ed. by L. Hunt. – New York : Zone books, 1996. – P. 125–153.

Zorin A. Russians as Greeks: Catherine II's "Greek Project" and the Russian Ode of the 1760s–70s // By fables alone : literature and state ideology in late eighteenth – and early-nineteenth-century Russia. – Brighton, Massachusetts : Academic studies press, 2014. – P. 24–60.

Καμариανός Ν. Επτά σπάνια ελληνικά φυλλάδια δημοσιευμένα στην Πετρούπολη (1771–1772) // Ο εραμιστής [= The Gleaner]. – 1986. – Τ. 18. – Σ. 1–34.

Παπακωνσταντίνου Κ. Το ποίημα του Βολταίρου «Traduction du poème de Jean Plokoř» και ο ρωσοτουρκικός πόλεμος του 1768–1774. Μια ακόμα αθησαύριστη απόδοσή του στα ελληνικά // Ο εραμιστής [= The Gleaner]. – 2005. – Τ. 25. – Σ. 101–118.